

«ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ЧЕЛОВЕК» В СОЦИОКУЛЬТУРНОМ ИЗМЕРЕНИИ

Статья посвящена актуальной проблеме, в центре которой оказывается «экономический человек», определяющий общие тенденции и перспективы эволюции уже не только западного, но и российского социума. В статье дана характеристика сущностных черт «экономического человека», его рациональности и ярко выраженной экстравертности, дополненной модусом иметь, но не быть.

На рубеже XIX–XX вв. в философской и экономической литературе наряду с терминами «человек разумный», «человек – микрокосм» (античная философия), «человек – мера всех вещей» (Протагор), «человек – животное, производящее орудия» (Б. Франклин), «человек – существо социальное» (К. Маркс) стало широко использоваться понятие «экономический человек», движимый стремлением к личной выгоде и погоней за деньгами. Он стал центральной фигурой английской политической экономии (А. Смит, Д. Рикардо, Дж.С. Милль), маржинализма (У. Джевонс, Л. Вальрас, К. Менглер) и неоклассического направления (А. Маршалл, М. Фридман и др.). Каковы же основные характеристики «экономического человека»?

Во-первых, «экономический человек» – образчик рационализованного существа. Эта сущностная черта ключевой фигуры экономической жизни Новейшего времени обусловлена спецификой его хозяйственной деятельности, образующей матрицу логики. В этом смысле был прав русский философ С.Н. Булгаков, который с иронией говорил, что «экономический человек» «не спит, а все считает интересы, стремясь к наибольшей выгоде с наименьшими затратами».

Отсюда можно заключить, что ценности высших форм сознания, не соответствующие императивам эвдемонистской этики и не вписывающиеся в логику хозяйственной жизни либерального общества, подвергаются его субъектами тотальному отрицанию. В немалой степени рационализации массового экономического сознания способствует тиражирование в современной России «Экономикса», предметом которого, по мнению К.Д. Макконела и С.Л. Брю, является «исследование проблемы эффективного использования производительных ресурсов или управления ими с целью максимального удовлетворения материальных потребностей человека» (1, с. 18). Нет принципиального отличия в трактовке предмета «Экономикс» в другом популярном учебнике, авторами которого являются П.А. Самуильсон и В.Ф. Нордхаус. Отме-

тим в этой связи, что в начале XX в. С.Н. Булгаков и М.И. Туган-Барановский дифференцировали экономическую теорию на политическую экономию в собственном смысле этого слова и технику, или, иначе говоря, практическо-социальную теорию в смысле прикладной этики (С.Н. Булгаков) и на теоретическую политическую экономию и практическую политическую экономию (М.И. Туган-Барановский). При этом они разграничивали сферы исследования этих наук на области сущего и должного. То есть материальные и идеальные элементы в их концепциях идут рядом, не смешиваясь, а дополняя друг друга до органического целого.

Эти русские мыслители будто бы предчувствовали, что на смену экономической теории марксизма придет «Экономикс» с его математическими формулами и графиками, вызывающими шок у студентов-гуманитариев, а у их коллег с физико-математических и технических факультетов чувство недоумения по поводу тривиальности его математического обеспечения.

Но не только в этом состоит недостаток «Экономикса». За его внешней наукообразностью обнаруживается воинствующий рационализм и утилитаризм, исключающие возможность учета неэкономических (религиозных, нравственных, экологических и др.) факторов функционирования и развития хозяйства.

Справедливости ради надо отметить, что попыткам монопольного внедрения «Экономикса» в учебном процессе некоторыми российскими учеными противопоставляются альтернативные дисциплины: «Экономика переходного периода» (В.В. Радаев, А.В. Бузгалин – МГУ), «Экономический строй России» (В.Т. Рязанов – СПбГУ). В них, в отличие от «Экономикса», делается акцент на изучение теоретических вопросов отечественного хозяйства с точки зрения взаимосвязи общего и особенного. Обращает на себя внимание и учет в этих курсах религиозных, этических, правовых и экологических факторов функционирования хозяйственной сферы российского социума.

Во-вторых, «экономический человек» обладает экстравертивной направленностью, выражающейся в «благоговении перед жизнью» (А. Швейцер) и «почтительностью перед жизнью» (М. Хайдеггер), которая дополняется модусом «иметь» (потреблять мир), а не «быть» (реализовать себя в мире). Понятно, что с точки зрения христианской антропологии здесь речь идет не о внутреннем, а о внешнем человеке.

Рационализм и экстравертивный модус «экономического человека» является причиной фетишизации его сознания. Нетрудно предположить, что объектом его поклонения становятся ценности товарного (предметного) мира. Именно этим можно объяснить всплеск в Новейшее время ценностей эмпирической (эвдемонистской, гедонистской и утилитаристской) этики, которые еще в конце XIX в. были подвергнуты обстоятельной критике русским философом В.С. Соловьевым в книге «Оправдание добра».

Сказанное полностью относится к наиболее экономически активной части населения постсоветской России, которая рационализирует свою зачастую асоциальную деятельность так называемой этикой успеха. Фактом их сознания стал товарный и особенно денежный фетишизм в его искаженных формах.

Об этом, в частности, свидетельствуют ответы студентов-заочников ряда северных филиалов Тюменского государственного нефтегазового университета (Сургут, Когалым, Нягань, Надым, Лангепас, Урай) на вопрос анкеты: «Если бы у Вас была крупная сумма денег, вложили бы вы их в сбербанк или перевели бы в иностранную валюту?» Как это было установлено авторами, 88,3 процентов опрошенных перевели бы свои деньги в иностранную валюту. При этом 60,6 процентов опрошенных желали бы повышения курса иностранной валюты по отношению к рублю. Не является ли это свидетельством того, что в массовом сознании поднимается образ Смердякова, желавшего гибели своего отечества. Думается, что на этот вопрос уже сейчас можно ответить утвердительно.

Фетишизация сознания «экономического человека» превращает его в адепта экономической необходимости. Вследствие этого, он, с одной стороны, стремительно отдаляется от ценностей экзис-

тациональных форм сознания и свободы, а с другой – все более очевидным становится распад целостности его человеческого «я». Само собой понятно, что разорванность экзистенции «экономического человека» в немалой степени определяется и дефицитом его рефлексивного мышления¹, являющегося оборотной стороной высокого уровня интенциональности и рационализма современного типа экономического сознания. Конечно, это ни в коей мере не умаляет трансцендирование, означающее экзистенциальную встречу с Богом, с другим человеком, без которой, с точки зрения персоналистической философии Н. Бердяева, нет подлинной личности и религии.

Нужно не упускать из виду, что русские мыслители, начиная с А.С. Хомякова и И.В. Киреевского и заканчивая философами серебряного века, целостность личности (единство знаний, веры, любви, совести и воли) рассматривали в качестве одного из величайших критериев духовности. В этом смысле «экономический человек», безусловно, является тупиком человеческой сущности. К нему, на наш взгляд, вполне применима характеристика «внешнего человека» в статье И.В. Киреевского «О характере просвещения Европы и его отношении к просвещению России»: «В одном углу его сердца живет чувство религиозное..., в другом – отдельно – силы разума и усилия житейских занятий; в третьем – стремление к чувственным утехам; в четвертом – нравственно-семейное чувство; в пятом – стремление к личной выгоде; в шестом – стремление к наслаждениям...» (2, с. 229). И чем более дробным и нецелостным становится Я хозяйствующего субъекта, тем более очевидным становится происходящая в современном мире антропологическая и экзистенциальная катастрофа. Последняя означает, что ценности так называемых эмпирических форм нравственности свободно проникают в поле высших форм культуры, рационализируя их аксиосферу или вытесняя составляющие ее элементы в бессознательное. Ибо в оппозиции экономическая культура и экзистенциальные формы культуры первое есть воплощение сильного, репрессивного, а вторые – слабого начала. В данном случае мы принимаем сторону А.С. Панарина, который в «Искушении глобализмом» утверждает: «Экономический человек» сегодня готов кастри-

¹ «Заглядывая внимательнее, – учил отец И. Крондштадский, – глубже в свой внутренний, душевный или духовный мир, полный величайшего умственного и нравственного интереса, и не увлекайся внешним, преходящим и исчезающим миром. ...В том внутреннем мире предстает тебе много, много дела и усилий по причине извращения нами духовного порядка или законов творческих и душевного и жизненного растения...» (4, с. 117)

ровать национальную культуру, тщательно выбраковывая все то, в чем он подозревает некоммерческое воодушевление и мужество самодостаточности. Он готов искоренить культуру самоценных форм, всюду заменив ее функциональной прикладной культурой, постоянно памятующей о пользе и отдаче. Плодить титанов такая культура не в состоянии» (3, с. 119).

«Экономический человек» вряд ли бы добился таких впечатляющих успехов в тотальном насилии над высшими ментальными ипостасями человеческой субъективности, если бы не приобрел в лице техницистского человека «технофана» (Э. Фромм) естественного союзника. Не входя в подробный анализ этого типа «Ното», отметим, что его сущностными характеристиками, инкорпорирующими сакральный генофонд «внутреннего человека», являются рационализм, утилитаризм, прагматизм, гедонизм. Таким образом, «внутренний человек» оказался в полной зависимости от «внешнего человека», законы горнего мира оказались попранными законами мира дольнего. В этой связи нельзя не вспомнить высказывание по данной теме апостола Павла в его Послании римлянам: «...Ибо по внутреннему человеку нахожу удовольствие в законе Божиим, но в членах моих вижу иной закон, противоборствующий закону ума моего и делающий меня пленником закона греховного, находящегося в членах моих» (Рим. 7, 23); «... тот же самый я умом моим служу закону Божию, а плотию закона греха» (Рим. 7, 25). В связи с темой нашей статьи уместно отметить, что объективация «экономического человека», охваченного лихорадкой прогресса, не может породить ничего, кроме «сатанинской эволюции» (Н.А. Лосский) и «дьявольского водевиля» (Ф.М. Достоевский), от которых он в конечном итоге оказывается зависимым.

Сказанным не исчерпывается «антимикрокосмическая» сущность «экономического человека». Его тотальное насилие над природой (из недр земли ежегодно извлекается тонн: 4 млрд. тонн угля, нефти, железной руды, расходуется более 3 млрд. растительной массы, а в атмосферу попадает около 10 млрд. тонн углекислого газа и т. д.) убеждает нас в антигуманной и «сатанинской» сущности «экономического человека».

Парадоксально, но факт, что последние десятилетия на Западе (родине «экономического человека») все чаще стали звучать призывы заменить императив классической политической экономии «экономика прежде и превыше всего» на непривычный для субъектов либерального сознания «экология прежде и превыше всего». Это может

означать только то, что идея «превращения природы из временного врага в друга вечного» русского космиста Н.Ф. Федорова встала в повестку дня человечества на рубеже двух тысячелетий.

Все вышеизложенное относительно «экономического человека» как «опошления жизни» и тупика человеческой экзистенции нельзя отнести в полной мере к хозяйственному субъекту вообще. Пример ведущих предпринимателей дореволюционной России и Западной Сибири П. Третьякова, С. Мамонтова, И. Морозова, М. Сидорова, А. Сибирякова, Н. Машарова, А. Текутьева, И. Колокольникова, Н. Чукмалдина и других – убедительное подтверждение сказанному. В отличие от большинства нынешних бизнесменов, в рамках человеческой субъективности которых аксиологический элемент представлен ценностями эмпирической этики, дореволюционные предприниматели являли собой пример деятельного служения высшим ценностям и Отечеству. Являясь, с одной стороны, блистательными хозяйственниками, данные предприниматели, с другой стороны, объективировали себя в ряде неэкономических видов деятельности: социально-политической, правовой, моральной, эстетической, художественной, экологической и региональной. Они доказали возможность хозяйствования без ставки на индивидуализм и наживу. Здесь было бы уместно сослаться на следующие рассуждения по этой теме известного евразийца П.Н. Савицкого, из которого видно принципиальное различие аксиологического элемента экономической культуры дореволюционных хозяйственников и предпринимателей современной (хремастистской) формации: «Хозяйственное... ценение хозяйства чуждо сотворению себе золотого тельца. Благополучие хозяйства оно обосновывает на человеческом отношении к людям, милостию скотов и бережении вещей Божьего мира... Именно через посредство личности хозяина, как воплощения личного принципа в хозяйстве, – религиозные и религиозно-нравственные начала вступают в хозяйственную область... Воинствующий же экономизм вырастает отнюдь не в русле хозяйственного ценения, отнюдь не в порядке осуществляемого в последнем сопряжении «соотносительного» с «абсолютным»: воинствующий экономизм вырастает на почве мыслительного сведения всего существующего к одному «относительному» (5, с. 145-146).

Для иллюстрации вышесказанного можно привести следующие примеры из деятельности русских, и в частности западносибирских предпринимателей. Так, стремление служить России заставляло их бороться за открытие морского пути из Сибири

– по Северному Ледовитому океану – в Россию и Европу, проектировать и создавать каналы Таз – Турухан и Карское море – Обь, проводить работу по соединению каналами рек для создания единой системы водоснабжения, строить водно-сухопутную дорогу от Оби до Печоры, железную дорогу Екатеринбург – Омск, проектировать будущие железнодорожные пути для соединения российских рынков. Благодаря поддержке и средствам предпринимателей, получила развитие сибирская наука: был создан первый в Сибири университет, организованы и профинансированы научно-исследовательские экспедиции (Н. Норденшельда, Х. Даля, А.В. Григорьева, Бременского общества полярных исследований и др.). Оказывая поддержку любой инициативе в развитии науки, купечество выделяло средства на премии для исследователей, организацию научных выставок, издание научных трудов, поддержку преподавателей, учреждение стипендий и т. д. Купечеству Западной Сибири принадлежит заслуга в создании библиотек, музеев и типографий. Способствовала просвещению народа и торговля книгами. Впечатляющим подтверждением купеческой культуры служили домашние библиотеки сибирских предпринимателей.

Приведенные нами аргументы о тупике человеческой субъективности «экономического человека» дают основание для следующего краткого заключения. У этого человека безусловно есть буду-

щее, если, конечно, базовые духовные ценности, как у дореволюционных предпринимателей, станут субстанциональным ядром его культуры. Само собой понятно, что для этого требуется, чтобы в стране начала реализовываться национальная модель экономики, к основным параметрам которой русские философы и экономисты Н. Алексеев, В. Базаров, Н. Бердяев, С. Булгаков, В. Воронцов, В. Соловьев, М. Туган-Барановский, А. Штрох, В. Эрн, И. Янжул и др. относили, во-первых, признание приоритета общего, народнохозяйственного подхода над деятельностью и мотивацией трудовых коллективов и индивидов. Во-вторых, ограничение собственности высшими религиозными и нравственными ценностями, исключаящими коррупцию и теневую экономику. В-третьих, оптимальное соотношение между государственными и рыночными рычагами управления, минимизирующее иррациональные действия хозяйствующих субъектов. В-четвертых, государственное регулирование отношений между трудом и капиталом, исключающее рецидивы крепостничества. В-пятых, государственная поддержка коллективных форм организации труда. В противном случае, его антимикросмическая сущность обретет статус нормы, а перерождение массового хозяйственного сознания наиболее экономически активной части населения станет трагическим фактом будущей российской действительности.

Список использованной литературы:

1. Макконел К.Д., Брю С.Л. Экономикс: Принципы, проблемы и политика. В 2т. – т.1. – М.: Республика, 1992.
2. Киреевский И.В. О характере просвещения Европы и его отношении к просвещению России // Киреевский И.В. Избранные статьи. – М.: Современник, 1984.
3. Крондштадский И. Правда о Боге, мире и человеке. – Л.: КМО «Радар», 1991.
4. Панарин А.С. Испытание глобализмом. – М.: Русский Национальный Фонд, 2000.
5. Савицкий П.Н. Хозяин и хозяйство // Россия между Европой и Азией: Евразийский соблазн. Антология. – М.: Наука, 1993.